

18+

Кай Гиллинджер

РЫНОК

Кай Гиллинджер

РЫНОК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66172946

SelfPub; 2021

Аннотация

Что для вас значат вещи? Стоят ли они того, чтобы отдавать жизнь за них? Стоят ли они всех пролитых слез? Стоят ли они всех разрушенных жизней?

Кай Гиллинджер

Рынок

– Ну, чего ты стоишь, Тимош? Хватит уже смотреть на эти игрушки, пойдем! – окликал мальчика женский голос.

Он повернул голову и посмотрел на бабушку – она стояла в двух шагах от него и тянула ему руку, но в этом позыве была какая-то ненависть, как ему показалось, отчего он ещё больше, уже принципиально, не хотел к ней подходить (и уж, тем более, подавать руку), поэтому повернул голову обратно и продолжил разглядывать игрушечные фигурки. Они были все такие разные – от обыкновенных солдатиков до различных странных монстров – каждая отличалась друг от друга, даже если изначально они казались ему абсолютно одинаковыми (даже солдатика – у кого нет пистолета, а у кого-то – их вовсе два), но больше всего ему понравился та фигурка странного человека в пиджаке и шляпе – его глаза будто бы отсвечивали такой едкой желтизной, а в руке его была презабавная трость, но в совокупности всё это выглядело настолько естественно, что среди всех фигурок – эта казалась самая обыкновенная; под ней висел ценник – "990 рублей". Это явно было дорого для его бабушки (для неё почти всё, что он просил, было дорого), поэтому он хотел хотя бы нас несколько секунд больбольше насмотреться на неё, чтобы затем рассказать это друзьям во дворе.

– Сколько можно тебя кричать? – бабушка схватила его за руку и повела дальше по рынку. – Ты уже такой взрослый, а думаешь о каких-то игрушках! Мы сюда не за этим пришли, ты сам это знаешь, тебе совсем скоро в школу, а у тебя даже рубахи самой дрянной нет! Видела бы тебя... – она замолкла и оглянулась на мальчишку, – Ну, и что ты молчишь как воды в рот набрал? Весь в своего отца, такой же...

Мальчик одернул руку и опустил голову – он не любил, когда бабушка говорила про его семью, а тем более – про отца. Толком она его не знала, а отзывалась практически всегда в негативном ключе, а хорошо лишь тогда, когда нужно было попрекнуть в чём-нибудь мальчишка, приводя в пример его отца, для того чтобы Тим так и сделал; про мать же речь у неё заходила крайне редко, да и то, если и такое и случилось – то она тут же обрывала фразу или переключалась на другую тему по неизвестным причинам. Да и бабушкой она никакой и не была – лишь одно название, которое она выпросила у мальчишки, ибо ей не особо хотелось рассказывать о том, кто она и почему он с ней.

– Не дуйся на меня, я тебе зла не желаю, – спокойным, но до жути противным голосом сказала бабушка и пошла вперёд, не оглядываясь на внука, – нам ещё многое с тобой пережить придётся.

Тим промолчал. “Конечно, не желала она зла...”, – подумал он. А так выражаться про моих родителей и лгать – это разве не зло? Она их не знала (женщина сама об этом заяв-

ляла), а если и знала – то зачем говорить такие ужасные вещи о них? Ведь если ты знаешь человека, то обязательно и хорошее, и плохое; зачем пытаться выстроить предвзятое мнение о них? Именно поэтому мальчик исходя из такой логики нейтрально относился к ним и, казалось, если бы он встретил их, то не бросился бы навстречу или же наоборот – оскорбил их – нет, сначала бы ему пришлось узнать их поближе.

Бабушка остановилась около какого-то павильона со школьной одеждой и сказала мальчику подойти к ней, чтобы та могла предварительно на глаз примерить ему одежду.

“Она такая противная”, подумал Тим, смотря на то, как она рыскает в павильоне в поисках чего подешевле. Эта женщина никогда ему не нравилась, даже когда пыталась быть милой с ним: эти её посиделки всегда были очень шумными и, наверное, для кого-нибудь страшными из-за количества людей на кухне, но ему было абсолютно всё равно как них, так и на бабушку, поэтому он не видел смысла отвечать ей даже на банальные вопросы; лишь поначалу Тим разговаривал с ней, когда приходилось обратиться по своим нуждам, пока сам не научился их исполнять, но за это она его никогда не винила, считая, что это всё из-за них...

– Подойди сюда и накинь эту рубаху! – бабушка протянула мальчику какую-то старосоветскую белую рубашку, которая из-за своего возраста уже казалась серой.

Он молча взял рубашку и надел её поверх футболки; взглянув в зеркало, он увидел в нём кого-то нового, будто

не он стоял напротив него, а какой-то взрослый мужчина и улыбался ему, а из кармана его шорт торчало что-то тёмное, но он не успел разглядеть что, так как ему нужно теперь примерить брюки к рубашке.

– Давай, надевай, не стесняйся, – улыбнулась продавщица, – ты ещё мал, чтоб на тебе кто-нибудь позарился.

Но это его никогда не волновало, ему попросту было лень это делать, но нехотя, он снял шорты и натянул брюки, самостоятельно заправив в них рубашку, вследствие чего получил похвалу от продавщицы за самостоятельность, от чего якобы засмушалась его бабушка.

“Такие меркантильные животные”, – мелькнула мысль в голове у Тима, когда тот взглянул на то, как женщины бурно спорят о цене пиджака. Но он ничего не мог с этим поделать, поэтому всё, что ему оставалось – это лишь ждать (он мог уйти, безусловно, но чтобы с ним после этого было?), когда они закончат спор и...

Наконец-то их спор был окончен и довольная бабушка вручила ему пиджак для примерки (которая толком уже ничего не решала, даже если бы он был ему мал). Мальчик надел его и взглянул в зеркало – он выглядел нелепо в этом старом тряпье, названном костюмом, и ему тотчас хотелось сорвать его с себя, но кто-то положил руку ему на плечо; Тим поднял голову и посмотрел в зеркало – позади него стоял знакомый (непонятно откуда) мужчина – он тоже был в костюме, а на его голове красовалась шляпа; мужчина пока-

зался ему настолько родным, но мальчик не понимал кого он ему напоминает, как вдруг...

Бабушка и продавщица стояли позади мальчика, в нескольких шагах, обсуждая уже что-то, что не касалось похода сюда от слова совсем: они говорили о каких-то женщинах, но так тихо, что слышно было только имена (и то – не особо разборчиво) и восклицания в сторону обсуждаемых, а затем – снова обсуждения по поводу цены этих тряпок.

– Тимофей, пойдём! – окликнула бабушка мальчика, – Нужно переодеться, чтобы твой костюм сложили, ты ведь не хочешь его сразу же испортить?

Женщина наклонилась и попыталась выдавить из себя улыбку, но это явно у неё не получалось, поэтому она поспешно поднялась и принялась считать деньги. Мальчик внимательно смотрел за тем, как бабушка перебирает купюры в руках, ворча что-то себе под нос – ей явно не хотелось ни копейки отдавать на это, но что-то внутри заставляло её это сделать; она протянула деньги продавщице. В этот же момент мальчик выхватил купюры из рук бабушки и, растолкав женщин, понесся обратно по рынку.

“Постой!” – кричал он кому-то, всё быстрее и быстрее бежав при этом, одновременно начиная задыхаться от нехватки кислорода; он бежал, чуть ли не падая, бесконечное количество раз спотыкаясь о воздух, но не останавливался до тех пор пока его не остановило что-то внутри, он посмотрел по сторонам – метрах в десяти был хорошо известный ему

павильон с детскими товарами, который так ненавидела его бабушка только за его существование: Тим забежал вовнутрь и стал оглядывать всех посетителей внутри.

– Паренёк, тебе помочь чем? – обратился к нему владелец павильона с улыбкой, – Ищешь что?

– Мужчина... в штанах... в пиджаке... и шляпа, у него шляпа... – говорил мальчик, пытаясь восстановить дыхание.

– Тебе повезло! – усмехнулся мужчина, – Осталась последняя!

Он достал с верхней полки ныне понравившуюся мальчику фигурку и подал ему её.

“Да не игрушка!”, – вскрикнул мальчик и выскочил из павильона; его начинала окутывать паника, он рыскал взглядом по толпе людей, но с каждым мгновением возможность превращалась в надежду, а уверенность – в отчаяние. Но в один момент Тим краем глаза заметил вдалеке, почти в самом конце рынка, мужчину в шляпе и тут же рванул в его сторону; пробираясь через толпу людей, им всё больше овладевали эмоции, кровь его стыла в жилах, а дыхание всё больше сбивалось, но им двигала надежда в его цель, что он не ошибся, что сможет дойти до своей цели в одиночку, без всякой помощи от взрослых, ведь в глубине души – он уже давным-давно взрослый.

Тим вылетел из толпы и повернулся к ней лицом в поисках шляпы у кого-нибудь на голове, но всё никак не мог найти её. Как вдруг он заметил бабушку. “Это конец”, – поду-

мал он и начал маленькими шажками пятиться назад, оглядывая при этом толпу в поисках этой (проклятой!) шляпы. Океан эмоций вновь бушевал внутри мальчика – он был одновременно в радости и горе, в полном спокойствии и в абсолютном негодовании. Чем больше он вглядывался в толпу, тем, ему казалось, время шло всё медленнее, казалось, что и минуты не прошло, как они пришли на рынок с бабушкой; все люди будто бы начинают смотреть на него и в их глазах читается испуг и горесть, точно такая же, как и мальчика в сердце сейчас.

“Отойди!”, – раздался крик из толпы; мальчик вздрогнул и на долю секунды опомнился, услышав шум сбоку, и тут же его окутала эйфория, он повернул голову в сторону – за рулём автомобиля сидел до боли знакомый человек, улыбка которого была такой естественной, что в ответ лишь можно было улыбаться; он смотрел мальчику прямо в глаза, из-за чего казалось, будто бы они не просто отдают жёлтым оттенком, а горят как свеча; в руках он держал шляпу и махал ей, будто бы здороваясь с ним. Он оглянулся на толпу – из неё выбежала бабушка, вся ободранная и зареванная, и двигалась в сторону внука. Тим повернул голову обратно и посмотрел вновь в эти яркие глаза.

“Как жаль, что я не увижу своей матери сейчас и как жаль, что мы с тобой встретились именно вот так, отец”.

Раздался громкий гудок и скрип шин, а затем лязг металла, грохот. Вся толпа окружила автомобиль, лишь один чело-

век остался в стороне; бабушка смотрела на эту толпу, стоя на коленях, на которые оперлась окровавленными руками.